

A romantic painting of a man and a woman. The man, on the left, is shown in profile, wearing a dark jacket over a light-colored shirt. The woman, on the right, has long, wavy brown hair adorned with a large red rose. She is looking directly at the viewer with a soft expression. She is holding a large bouquet of red roses. The background is a soft, light-colored fabric with scattered rose petals. The overall style is painterly and romantic.

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

БЫВШИЙ

Сергей Патрушев
БЫВШИЙ

«Автор»

2026

Патрушев С.

Бывший / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алиса думала, что сбежала от прошлого. Год назад она вырвалась из отношений с Егором — харизматичным манипулятором, который превратил её жизнь в ад, полный измен, газлайтинга и тотального контроля. Теперь у неё есть всё, о чём она мечтала: спокойная работа, уютная квартира и любящий мужчина — надёжный, заботливый Марк, рядом с которым она наконец почувствовала себя в безопасности. Егор возвращается. Сначала как призрак в социальных сетях, затем как случайная встреча, которая оказывается не такой уж случайной. Он клянётся, что изменился, давит на жалость, воскрешает воспоминания о счастливых моментах, которые Алиса так старательно хоронила. И она, измученная сомнениями и страхом, совершает роковую ошибку. Это история о токсичной любви и созависимости. Это психологическая драма, которая обнажает механизмы абьюза и показывает, как трудно вырваться из порочного круга, когда твой главный враг не бывший возлюбленный, а собственная неспособность отпустить.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Идеальный штиль	5
Глава 2. Случайная встреча	11
Глава 3. Раскопки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Патрушев

БЫВШИЙ

Глава 1. Идеальный штиль

Солнце просочилось сквозь неплотно задвинутые шторы и растеклось по подушке теплым, золотистым пятном, бесцеремонно вырывая Алису из зыбкой, бесформенной темноты сна. Она не сразу поняла, где находится, и это короткое, мучительное мгновение неопределенности оказалось достаточным, чтобы сердце сжалось в тугую, болезненный комок. Первой мыслью, острой и привычной, как застарелая боль в плохую погоду, была тревога — она резко распахнула глаза и замерла, прислушиваясь к тишине, словно ожидая услышать в ней что-то опасное, что-то угрожающее. Сердце успело сделать несколько тяжелых, глухих ударов, прежде чем взгляд выхватил из полумрака очертания комнаты — высокий белый потолок, строгий минималистичный светильник, аккуратная стопка книг по архитектуре на прикроватной тумбе. Не её книги. Не её тумба. Это — Марк.

Осознание пришло не волной облегчения, а тихим, ровным теплом, разлившимся где-то глубоко в груди, словно кто-то осторожно накрыл её плечи мягким пледом. Она медленно, очень медленно выдохнула, позволяя мышцам, сжатым в тугую пружину за долю секунды пробуждения, наконец расслабиться и отпустить невидимое напряжение. Рядом, на соседней подушке, спал он — её Марк, её тихая гавань, её спасение. Дыхание его было глубоким и размеренным, с легким, едва уловимым присвистом на выдохе, и эта смешная, совершенно незначительная деталь почему-то вызвала в ней прилив такой нежности, что становилось трудно дышать. Она успела полюбить этот звук за те несколько недель, что они жили вместе, полюбить так же сильно, как запах его геля для душа, как тепло его ладони на её затылке, как его манеру шуриться, когда он сосредоточенно думал.

Алиса осторожно повернула голову, стараясь не делать резких движений, чтобы не потревожить его сон, и позволила себе несколько секунд просто смотреть на него. Марк лежал на боку, лицом к ней, по-детски подмяв под щеку угол одеяла, и черты его лица, днем такие волевые и собранные, сейчас казались мягче, моложе, беззащитнее. Темные волосы были взъерошены, на подбородке проступала едва заметная щетина, а губы чуть приоткрылись, будто он хотел что-то сказать, но передумал. Ей вдруг отчаянно захотелось протянуть руку и коснуться его щеки, провести пальцем по линии скулы, ощутить под подушечками пальцев тепло его кожи, но она сдержалась, боясь разбудить. Пусть поспит, ему через час вставать на работу, а он вчера допоздна сидел над каким-то сложным проектом.

Она тихо, почти бесшумно выбралась из-под одеяла, и ноги её коснулись теплого пола — во всей квартире была установлена система подогрева, что в середине октября, когда за окнами еще стояли промозглые, пропитанные сыростью сумерки, казалось непозволительной, почти неприличной роскошью. Алиса нащарила ногами мягкие домашние тапочки, стоявшие ровно у кровати, и накинула висевший на спинке стула длинный вязаный кардиган, который хранил едва уловимый запах их общего дома. В этом доме всё было на своих местах, у каждой вещи был свой смысл и свое предназначение, и от этого осознания ей становилось спокойно, как не было уже очень давно.

Она прошла на кухню, бесшумно прикрыв за собой дверь спальни, и щелкнула кнопкой чайника, прислонившись спиной к прохладной столешнице. Здесь было заметно светлее: большое окно выходило во двор, и сквозь голые, мокрые ветви деревьев уже пробивался неяркий, словно разбавленный водой утренний свет. Алиса обхватила себя руками за плечи и медленно огляделась, позволяя глазам скользить по знакомым до мельчайших деталей предметам.

Кухня была идеальной, и именно эта идеальность когда-то казалась ей чужой, почти враждебной, но теперь стала необходимым условием существования. Стены цвета топленого молока, светлые деревянные фасады, никакого лишнего декора, только строгие, чистые линии, которые успокаивали лучше любых слов. На подоконнике в аккуратных керамических горшках зеленели базилик и розмарин — Марк заботливо выращивал их для своих кулинарных экспериментов, и Алиса иногда ловила себя на том, что разговаривает с ними, как с домашними питомцами. Возле мойки ровно сложены два полотенца, одно для рук, другое для посуды, и ни одной грязной кружки, забытой на столешнице. Никакого намека на вчерашний ужин, никаких крошек на столе, никакого беспорядка, который раньше был её постоянным спутником.

Раньше Алиса ненавидела идеальный порядок, он казался ей стерильным, безжизненным, лишенным души. В её прежней жизни, той, что осталась в прошлом как грязное пятно на белой скатерти, вечный хаос был нормой, отражением её внутреннего состояния — полной, беспросветной дезориентации. Раскиданные вещи, гора одежды на стуле, вечно потерянные ключи и телефон, который невозможно найти из-за отключенного звука. Тот хаос был липким, удушающим, он затягивал в воронку бесконечного выяснения отношений и разрушал последние остатки самоуважения. Теперь же тишина и порядок стали её убежищем, её способом доказать самой себе, что она достойна другой жизни.

Чайник щелкнул, выключаясь, и Алиса вздрогнула от неожиданности, хотя ждала этого звука. Она насыпала в большую керамическую кружку две ложки растворимого кофе, залила кипятком и, обхватив горячие стенки ладонями, села на высокий барный стул у окна. Первый глоток обжег губы, но приятно согрел изнутри, прогоняя остатки утренней зябкости и тяжелых мыслей, которые нет-нет да и поднимались из глубин подсознания, словно ил со дна потревоженного озера.

За окном, серым и сонным, проехала одинокая машина, расплескивая колесами воду из глубоких луж, а дворник в оранжевой жилетке лениво мел мокрый асфальт, сгоняя в неопрятные кучи побуревшие листья. Алиса смотрела на этот обыденный, совершенно не героический пейзаж и чувствовала, как внутри разливается что-то, чему она до сих пор не могла подобрать точное название. Не просто спокойствие, не просто удовлетворенность, а нечто более глубокое и основательное. Это было чувство безопасности — глубокое, почти физиологическое ощущение того, что ей ничего не угрожает, что сегодняшний день пройдет так же ровно и предсказуемо, как вчерашний, что никто не будет кричать, лгать, исчезать на сутки, а потом возвращаться с запахом чужих духов и странным, безумным блеском в глазах. Что никто не заставит её сомневаться в собственной адекватности, в собственной памяти, в собственном праве на чувства.

Прошло уже больше года. Четырнадцать долгих, мучительных месяцев с того дня, как она закрыла дверь своей съемной однушки на два оборота, сменила сим-карту и заблокировала все возможные контакты в социальных сетях, словно отрезая от себя зараженную конечность. Она выдирала себя из тех отношений по кускам, как вытаскивают глубокую занозу, оставляя в ране микроскопические щепки, которые еще долго напоминали о себе ноющей, фантомной болью.

Егор...

Она запретила себе произносить это имя даже мысленно, запечатала его в самый дальний уголок памяти, завалила камнями, как заваливают вход в заброшенную штольню, но оно всё равно всплывало в самые неожиданные моменты. В запахе чужого одеколона на улице, в обрывке песни по радио, в случайном взгляде на телефон, когда ей на долю секунды казалось, что он сейчас позвонит. Но он не звонил, и с каждым днем эта тишина становилась всё более надежной, всё более похожей на настоящую свободу. Она исчезла для него, испарилась, стала призраком, и в этом было её спасение, её единственный шанс на новую жизнь.

Воспоминания были похожи на старую, плохо заживающую рану, покрытую тонкой корочкой, которую так легко сорвать неосторожным движением. Алиса сделала большой глоток кофе, словно пытаясь смыть горечь, подступившую к горлу, и заставила себя перевести взгляд на окно, на голые ветви деревьев, на серое небо, на всё то, что было здесь и сейчас. Она не хотела думать об этом, не сегодня, не в это хорошее, спокойное утро, когда она в безопасности, когда рядом спит человек, который никогда не причинит ей боли.

Она научилась ценить эти утра, научилась радоваться простым вещам, которые раньше казались само собой разумеющимися: горячему душу, свежей постели, вкусному завтраку, возможности не вздрагивать от каждого резкого звука. Марк дал ей всё это, он появился в её жизни внезапно, как солнечный луч в бесконечный пасмурный день, и она до сих пор не до конца верила, что заслужила такое счастье. Сначала он был просто клиентом в архитектурном бюро, где она работала дизайнером интерьеров, потом — деловые переписки, редкие телефонные разговоры, случайная встреча в кофейне, которая, как она теперь понимала, не была такой уж случайной.

Он ухаживал за ней почти год, терпеливо, ненавязчиво, с той уверенной настойчивостью, которая свойственна людям, точно знающим, чего они хотят от жизни. Алиса долго сопротивлялась, слишком долго, она боялась снова ошибиться, снова довериться, снова сгореть дотла и не найти в себе сил подняться. Но Марк не давил, не торопил, не устраивал сцен ревности и не требовал доказательств любви, он просто был рядом, всегда вежливый, всегда корректный, всегда умеющий вовремя отступить и вовремя появиться. И она сдалась, не сразу, но сдалась, и ни разу об этом не пожалела.

— Доброе утро.

Голос Марка, хриловатый после сна, выдернул её из размышлений так резко, что она едва не расплескала остатки кофе. Он стоял на пороге кухни, потирая ладонью заспанное лицо, и улыбался той самой улыбкой, от которой у неё до сих пор что-то переворачивалось внутри. Улыбка у него была заразительная, открытая, с милыми ямочками на щеках, совсем не такая, как у Егора. У того улыбка была хищной, победной, словно он всегда знал, что выиграет, а ты проиграешь, и наслаждался этим знанием заранее.

— Доброе, — Алиса улыбнулась в ответ, чувствуя, как его появление окончательно развеивает остатки тяжелых мыслей, как тепло его присутствия вытесняет холод прошлого. — Я тебя разбудила? Прости.

— Нет, я сам, пора вставать, — он подошел ближе и, наклонившись, поцеловал её в макушку, задержавшись губами на волосах чуть дольше обычного. — Кофе пахнет вкусно, ты сама приготовила или это магия?

— Сама, — она усмехнулась, ощущая, как от его поцелуя по коже бегут мурашки. — Как видишь, я вполне в состоянии справиться с чайником.

— Я и не сомневался.

Марк потянулся, разминая затекшие за ночь плечи, и прошел к окну, встав рядом с ней и глядя на улицу. Некоторое время они молчали, и это молчание было наполнено не неловкостью, а каким-то удивительным, почти осязаемым уютом, который они создавали вдвоем.

— Смотри-ка, дождь перестал, — произнес он, кивая на окно. — Может, вечером прогуляемся? Заодно заберем твои документы из салона связи.

Алиса поморщилась, вспомнив о невыполненном обещании.

— Черт, я совсем забыла, надо было еще вчера заехать. Спасибо, что напомнил.

— Не страшно, заберем сегодня. Хорошо, что выходной.

Он был прав, сегодня суббота, и у неё наконец-то будет полноценный выходной, первый за долгое время. Последние две недели были сумасшедшими: заказчик попался привередливый, правки бесконечные, и Алиса буквально жила на работе, забывая поесть и отвечая на сообщения поздно ночью. Ей нужна была эта передышка, этот день без чертежей, без смет, без бесконечных согласований.

Марк заварил себе чай и сел напротив, и они завтракали молча, глядя в окно и обмениваясь редкими, ничего не значащими фразами. В этом молчании не было неловкости, было просто спокойствие, умение быть рядом, не заполняя тишину пустыми разговорами, и Алиса ценила это умение в Марке больше, чем любые слова.

После завтрака она приняла душ и долго стояла под горячими струями, позволяя воде смыть остатки сна и вчерашней усталости, позволяя теплу проникнуть в каждую клеточку тела. В ванной всё пахло его гелем для душа — чем-то хвойным и свежим, как после дождя в сосновом лесу, и этот запах ассоциировался у неё с надежностью, с защитой, с тем, что она наконец-то дома. Она оделась в мягкие джинсы и теплый свитер, собрала волосы в небрежный пучок и подошла к зеркалу, критично осматривая свое отражение.

От той девушки, что год назад едва могла заставить себя встать с кровати, не осталось и следа. Скулы уже не казались такими острыми, на щеках появился легкий румянец, а взгляд больше не был затравленным и испуганным. Шрамы на сердце, казалось, затянулись новой, розовой кожей, и она почти поверила, что прошлое отпустило её. Почти.

Но шрамы — это навсегда, Алиса знала это лучше, чем кто-либо другой.

День пролетел незаметно и как-то удивительно правильно, словно кто-то невидимый выстроил его по идеальному сценарию. Они с Марком съездили в салон связи, забрали её доку-

менты, потом долго гуляли по центру, подставляя лица редким лучам выглянувшего солнца. Заходили в книжный, где Алиса зависла у полки с альбомами по искусству, а Марк терпеливо ждал её, листая журнал об архитектуре и время от времени бросая на неё теплые, полные обожания взгляды. Затем был поздний обед в маленькой итальянской трагтории, где подавали самую вкусную пасту карбонара, какую Алиса когда-либо пробовала, и где они говорили обо всем и ни о чем одновременно: о новых проектах, о предстоящей поездке в горы, о том, какую мебель лучше поставить в гостиной. Это было так просто, так буднично, так по-настоящему, что ей хотелось плакать от счастья.

Вечером, когда они вернулись домой, Марк устроился на диване с ноутбуком — ему нужно было срочно ответить на несколько рабочих писем, а Алиса, сославшись на усталость, ушла в спальню. Она села на край кровати, чувствуя, как приятная усталость растекается по телу, и потянулась за телефоном, лежавшим на тумбочке. Экран загорелся, приветствуя её безликим фоном, и она принялась разбирать накопившиеся за день уведомления, лениво скользя пальцем по экрану.

Ничего срочного: рассылки из магазинов, письмо от руководителя проекта с очередными правками, напоминание о визите к стоматологу, который она снова собиралась отменить. Она пролистывала их одно за другим, не задерживаясь взглядом, мысленно составляя план на завтра, когда нужно будет закончить эскизы и отправить их заказчику до обеда.

И тут её взгляд остановился.

Новое уведомление. Сообщение от социальной сети. Текст был стандартным, серым и безликим, но именно он заставил её сердце сначала замереть, а потом забиться где-то в горле, перекрывая дыхание.

Ваши истории просмотрели: Алексей, Ирина, Марина... и еще 4 человека.

Алиса машинально нажала на уведомление, чтобы развернуть список полностью, хотя какая-то часть её сознания уже билась в истерику, умоляя не делать этого. Ничего особенного, ну подумаешь, она редко выкладывала что-то в сторис, но иногда публиковала фотографии еды, обрывки из жизни, цитаты из книг, которые казались ей важными. Посмотреть их мог кто угодно, и в этом не было ничего странного. Но это «кто угодно» заставило её похолодеть, словно она внезапно оказалась в ледяной воде.

Среди знакомых имен, которые она автоматически считывала и тут же забывала, мелькнуло одно, ударившее её наотмашь, как пощечина. Профиль был незнакомым: стандартная аватарка — серый силуэт на белом фоне, имя — какая-то бессмыслица, случайный набор букв и цифр, ни одной публикации, ни одного подписчика. Страница-фантом, страница-призрак, созданная с единственной целью. Но в разделе «ссылка» стояло короткое слово, которое она узнала наизусть, словно выжженное каленым железом на подкорке сознания.

Егор Миров.

Это был ник, который она заблокировала больше года назад. Ник, который она видела на экране своего телефона тысячи раз, который снился ей в кошмарах, который она шептала сквозь слезы в подушку. Ник, от которого она бежала, как от смерти.

Она почувствовала, как пол уходит из-под ног, как стены спальни плывут, теряя четкие очертания, как воздух становится вязким, густым, не пригодным для дыхания. Алиса судорожно вцепилась пальцами в край кровати, пытаясь удержать равновесие, хотя сидела совершенно неподвижно, и ногти её впились в мягкую ткань покрывала.

Это не может быть правдой, это совпадение, просто кто-то с похожим ником, кто-то случайный, кто-то чужой. Но она знала, что это не так, знала с той ужасающей, парализующей уверенностью, которая не поддается логике и не нуждается в доказательствах. Он создал новый аккаунт. Он нашел её. Он смотрел её истории. Он всё еще здесь.

Телефон выскользнул из ослабевших пальцев и глухо стукнулся о ковер, но Алиса не пошевелилась. Она сидела, глядя невидящим взглядом в одну точку на стене, и чувствовала, как рушится её тщательно выстроенная реальность, как трескается тонкий лед, по которому она так осторожно шла все эти месяцы. Идеальный штиль закончился, и впереди снова шторм.

Шрам, который, как она думала, затянулся навсегда, снова начал открываться, но не с боли, а с леденящего, животного ужаса, который поднимался откуда-то из самых глубин её существа. Он нашёл её. Он не забыл. И он не отпустит.

Глава 2. Случайная встреча

Прошло три дня с того момента, как Алиса увидела уведомление, и все эти дни она жила в состоянии какого-то липкого, изматывающего полубытья. Время текло странно: то растягивалось в бесконечную вязкую резину, то сжималось в тугую комок, оставляя после себя лишь смутное ощущение потерянных часов. Она просыпалась с ощущением, что за ней наблюдают, что невидимые глаза следят за каждым её шагом, и это чувство не отпускало её ни на минуту — ни за утренним кофе, который она теперь пила без вкуса, механически поднося чашку к губам; ни в душе, где горячие струи воды казались ей чужими прикосновениями; ни даже во сне, который стал рваным, поверхностным, наполненным тревожными образами и внезапными пробуждениями.

Телефон стал для неё источником постоянной тревоги — она вздрагивала от каждого уведомления, от каждого звука сообщения, и по сто раз на дню проверяла настройки приватности, хотя прекрасно понимала, что это бессмысленно. Если Егор захотел её найти, он найдет, и никакие настройки не помогут. Эта мысль пульсировала в сознании, как заноза, которую невозможно вытащить. Она могла удалить все социальные сети, сменить номер, переехать в другой город, но он всё равно нашел бы способ добраться до неё — потому что такие, как он, всегда находят. Им не нужны карты и координаты, у них есть что-то другое, какое-то звериное чутьё на чужие страхи, на чужую уязвимость.

Она пыталась убедить себя, что это просто совпадение, что она преувеличивает, что нельзя сходить с ума из-за какого-то пустого профиля в социальной сети. Убеждала себя словами, которые сказал бы Марк, будь он в курсе: «Милая, это просто случайность, в сети полно людей с такими именами, не накручивай себя». Но где-то глубоко внутри, в том самом месте, где жил животный инстинкт самосохранения, она знала правду. Знала, что штиль закончился, что вода уже начала подниматься, и что единственный вопрос теперь — когда именно произойдет неизбежное.

Природа за окном, казалось, чувствовала её состояние. Октябрь в этом году выдался особенно мрачным: небо висело низко, как промокшее одеяло, давящее на плечи, и даже днем свет казался сумеречным, разбавленным какой-то болезненной желтизной. Деревья во дворе стояли почти голые, их ветви чернели на фоне свинцовых туч, как трещины на старом фарфоре. Листья, еще недавно полыхавшие золотом и багрянцем, теперь лежали на тротуарах мокрой бурой массой, в которой тонули шаги прохожих. Пахло прелью, сыростью и приближающимися холодами, и этот запах, казалось, пропитывал всё — одежду, волосы, мысли.

В субботу утром Марк уехал по делам — у него была встреча с инвестором, которая могла затянуться до самого вечера. Он поцеловал её в лоб, сказал, чтобы она не скучала, и ушел, оставив после себя запах своего парфюма — горьковато-древесный, с нотками кедра и бергамота — и щемящее чувство пустоты. Алиса долго стояла у окна, глядя, как его машина выезжает со двора, как она растворяется в серой пелене дождя, и боролась с желанием выбежать за ним, вцепиться в его руку и умолять остаться. Но это было бы глупо, это было бы необъяснимо, и она заставила себя отойти от окна и заняться домашними делами.

Она провела несколько часов за уборкой, которая была скорее попыткой заглушить тревогу, чем реальной необходимостью. Мыла посуду, перебирала вещи в шкафу, протирала пыль

с книжных полок, и каждое механическое действие помогало ей не думать, не вспоминать, не бояться. Она даже переставила книги в алфавитном порядке — сначала русских авторов, потом зарубежных, — а затем разложила вещи Марка в шкафу по цветам, от темного к светлому, словно стремясь навести порядок не только в квартире, но и в собственной голове. Но к середине дня квартира была идеально чистой, а тревога никуда не делась, она лишь затаилась где-то под ребрами, ожидая своего часа, как хищник в засаде.

Алиса поняла, что ей нужно выйти из дома, нужно оказаться среди людей, в шуме и суете, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. Она надела пальто, замотала шею шерстяным шарфом и вышла на улицу, вдохнув холодный, пахнувший прелой листвой воздух. Октябрь уже полностью вступил в свои права, и город выглядел так, словно кто-то выкрутил яркость на минимум — серое небо, серые дома, серые лица прохожих. Люди двигались быстро, опустив головы, пряча лица от мелкого морсящего дождя, который то начинался, то прекращался, словно никак не мог решить, стоит ли ему переходить в настоящий ливень. Но Алисе было всё равно, ей просто нужно было идти, двигаться, чувствовать, как ноют ноги от ходьбы, как холод пробирается под пальто, напоминая, что она жива, что она здесь, в настоящем, а не в том прошлом, которое так настойчиво тянуло её обратно.

Она бесцельно бродила по улицам около часа, заходя в маленькие магазинчики, разглядывая витрины, покупая ненужные мелочи только для того, чтобы чем-то занять руки. В какой-то момент она поймала себя на том, что постоянно оглядывается через плечо, высматривая в толпе знакомый силуэт, и от этого осознания ей стало тошно. Неужели это никогда не закончится? Неужели она всю жизнь будет оборачиваться, вздрагивать от каждого громкого звука, от каждого человека, похожего на него? Эта мысль была невыносимой, она давила на грудь, мешала дышать, и Алиса на мгновение остановилась посреди тротуара, зажмурившись, пытаясь прогнать подступающую панику.

К середине дня голод напомнил о себе неприятной тяжестью в желудке, и Алиса решила зайти в супермаркет, чтобы купить что-нибудь на ужин. Ей хотелось приготовить для Марка что-то особенное, что-то, что заставило бы его улыбнуться и забыть о тяжелой рабочей неделе. Может быть, пасту с морепродуктами, или запеченную курицу с розмарином, или просто его любимый салат с рукколой и креветками. Она представляла, как он вернется домой уставший, как сядет за стол, как на его лице появится то самое выражение благодарной нежности, которое она так любила, и как он скажет: «Ты у меня самая лучшая». Эта простая фантазия согревала её изнутри, давала силы идти дальше, не поддаваться страху.

Супермаркет был заполнен людьми — субботним днем здесь было настоящее столпотворение. Воздух был тяжёлым от смешения запахов: свежего хлеба, цитрусовых, бытовой химии и чьих-то резких духов. Люди толкались, переговаривались, смеялись, и этот шум был одновременно и успокаивающим, и раздражающим — он напоминал о том, что жизнь продолжается, что мир не вращается вокруг её страха, но в то же время мешал сосредоточиться, мешал оставаться настороже. Алиса взяла корзину и медленно пошла вдоль рядов, машинально бросая в неё продукты, которые, как ей казалось, могли понадобиться. Она так глубоко погрузилась в свои мысли, что не сразу заметила, как оказалась в отделе овощей и фруктов, где толпилось особенно много народу. Она потянулась за пакетом помидоров, когда кто-то задел её плечом, и она едва не выронила корзину.

— Простите, ради бога, — раздался мужской голос, и Алиса замерла.

Она знала этот голос. Знала его лучше, чем свой собственный. Она слышала его тысячи раз — нежный, ласковый, злой, раздраженный, умоляющий, насмешливый. Этот голос был вплетен в её кошмары, в её воспоминания, в её прошлую жизнь, от которой она так отчаянно бежала. Он был как старая песня, которую ты не слушал много лет, но которая вдруг зазвучала из чужого окна, и ты вспоминаешь каждое слово, каждую ноту, каждую паузу между ними.

Она медленно, очень медленно подняла глаза, хотя каждая клеточка её тела кричала: беги, не смотри, не оборачивайся. И увидела его.

Егор стоял перед ней, и на его лице застыло выражение удивления, почти комичного в своей наиграннысти. Он изменился за этот год — похудел, осунулся, под глазами залегли тени, а на висках появилась первая седина, которой Алиса раньше не замечала. Эти серебристые нити в волосах были так неожиданны, так чужеродны, что на мгновение ей показалось, будто перед ней стоит незнакомый человек, лишь отдаленно напоминающий того Егора, которого она когда-то знала. Он был одет в старую, потертую куртку и джинсы с протертыми коленями, и выглядел настолько жалким, настолько потерянным, что у Алисы на мгновение сжалось сердце. Но это было лишь мгновение, потому что вслед за этим пришла волна такого липкого, такого удушающего страха, что она физически почувствовала, как у неё подкашиваются ноги.

— Алиса? — произнес он, и голос его дрогнул. — Это ты? Боже, я не могу поверить...

Она хотела ответить, хотела сказать хоть что-то, но язык словно прилип к нёбу. Она стояла и смотрела на него, чувствуя, как внутри разрастается огромная, черная дыра, затягивающая в себя все эмоции, все мысли, все силы. Вокруг них продолжали сновать люди, кто-то извинялся, протискиваясь мимо с тележкой, кто-то громко обсуждал цены на авокадо, но всё это доносилось до неё как сквозь вату, как из другого мира. Реальность сузилась до этого лица, до этих глаз, до этой отвратительной, знакомой до боли улыбки, которая уже начинала появляться на его губах.

— Ты так изменилась, — продолжал он, и на его губах появилась та самая улыбка, которую она так ненавидела. — Выглядишь потрясающе. Я так рад тебя видеть.

— Что ты здесь делаешь? — наконец выдавила она, и голос её прозвучал глухо, словно из-под толщи воды.

— Я? — Егор развел руками, изображая растерянность. — Я здесь живу. Рядом. Уже месяца три. Снимаю квартиру на соседней улице.

Алиса почувствовала, как кровь отливает от лица. Он живет рядом. Он живет в её районе. Он знал, где она, он специально выбрал это место, специально подстроил эту встречу. Всё это не было случайностью, всё это было частью его дьявольского плана. Она могла бы назвать это паранойей, могла бы убедить себя, что совпадения случаются, но что-то в его бегающих глазах, в его слишком быстрой, слишком отрепетированной речи говорило ей: нет, это не совпадение. Это охота. А она — добыча, которая сама пришла в расставленную ловушку.

— Я не знал, что ты тоже здесь, — добавил он, но глаза его при этом бегали, и Алиса видела ложь в каждом его жесте. — Честное слово, не знал.

— Ты лжешь, — сказала она тихо, и в этом коротком слове было столько яда, что Егор на мгновение отвел взгляд.

— Нет, Алис, клянусь тебе. Я понимаю, ты мне не веришь, я бы на твоём месте тоже не верил. Но это правда. Я переехал сюда после... после всего. Хотел начать с чистого листа.

Он сделал шаг к ней, и Алиса инстинктивно отступила, вжавшись спиной в стеллаж с овощами. Несколько помидоров упали с полки и раскатились по полу, но она даже не заметила этого. Всё её внимание было приковано к человеку, стоявшему перед ней, к его глазам, в которых она видела то ли искреннюю боль, то ли искусно разыгранное отчаяние. Она не могла понять, где заканчивается одно и начинается другое, и эта неопределенность была мучительнее любой правды. Если бы он просто злобно усмехнулся, если бы сказал что-то угрожающее, ей было бы легче — она знала бы, как реагировать. Но он играл в раскаяние, и эта игра была настолько убедительной, что заставляла её сомневаться в собственной правоте.

— Алис, я знаю, что виноват перед тобой, — заговорил он, и голос его снова дрогнул, на этот раз, казалось, искренне. — Я всё знаю. Я был чудовищем. Я был эгоистом. Я разрушил всё, что у нас было.

— У нас ничего не было, — перебила она, и в её голосе наконец появились стальные нотки. — То, что у нас было, это не отношения. Это был ад.

Егор кивнул, опустив голову, и на его лице появилось выражение такой глубокой, такой безнадежной скорби, что у Алисы снова что-то болезненно сжалось в груди. Она ненавидела себя за это. Ненавидела за то, что даже сейчас, после всего, что он сделал, какая-то часть её всё ещё жалела его. Она помнила его другим — смешливым, нежным, обаятельным. Помнила, как он читал ей стихи на кухне в три часа ночи, как рисовал смешные картинки на запотевшем стекле, как варил какао, когда она не могла уснуть. Эти воспоминания были отравлены, но они никуда не делись, и теперь они нахлынули на неё, смешиваясь со страхом и отвращением в тошнотворный коктейль.

— Ты права, — произнес он тихо. — Ты абсолютно права. Я не заслуживаю даже того, чтобы ты со мной разговаривала. Но я так долго мечтал о том, чтобы хотя бы увидеть тебя. Хотя бы сказать тебе, как я сожалею.

— Ты сожалеешь? — Алис горько усмехнулась, и в этой усмешке было больше боли, чем она хотела показать. — Ты хоть понимаешь, что ты со мной сделал? Ты хоть можешь себе представить, через что я прошла?

— Могу, — сказал он, и в его глазах блеснули слезы. — Потому что я прошел через это сам. Через осознание того, что я потерял. Через понимание того, что я всё испортил. Через одиночество, которое я заслужил.

Он снова сделал шаг к ней, и на этот раз Алис не отступила. Она стояла, парализованная его словами, его видом, его близостью, и чувствовала, как внутри неё борются два противоречивых желания — бежать без оглядки и обнять его, как когда-то давно, когда она ещё верила в его искренность. Она чувствовала запах его одеколона — тот же самый, дешевый, резкий, с нотками мускуса, — и этот запах перенёс её в прошлое с такой силой, что на мгновение она

перестала понимать, где находится. Супермаркет с его шумом и суетой исчез, осталась только она и он, как тогда, как всегда.

— Я не прошу тебя простить меня, — продолжал он, и теперь его голос звучал так тихо, что ей приходилось напрягаться, чтобы расслышать. — Я не заслуживаю прощения. Но я хочу, чтобы ты знала: я изменился. Я прошел терапию. Я перестал пить. У меня теперь другая жизнь.

— Зачем ты мне это говоришь? — спросила она, и голос её снова дрогнул, выдавая внутреннюю борьбу. — Зачем ты вообще со мной заговорил?

— Потому что я должен был, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — Потому что я не мог просто пройти мимо. Потому что я до сих пор... до сих пор думаю о тебе.

Эти слова ударили её сильнее, чем она ожидала. Алиса почувствовала, как к горлу подступает комок, как глаза начинают предательски щипать, и она изо всех сил попыталась взять себя в руки. Она не могла расплакаться перед ним, не здесь, не сейчас. Она не могла дать ему увидеть свою слабость. Он питался её слабостью, он всегда это делал — пил её слезы, как вино, и становился только сильнее от её боли. Если она заплачет, он победит. Если она покажет, что ей всё еще не всё равно, он поймет, что дверь не заперта.

— Мне нужно идти, — сказала она, и голос её прозвучал слишком резко, слишком отрывисто. — Меня ждут.

— Конечно, — Егор отступил, давая ей пройти. — Я понимаю. Спасибо, что не убежала сразу. Это уже больше, чем я заслужил.

Алиса не ответила. Она схватила свою корзину, которая так и стояла у её ног, и быстрым шагом пошла прочь, не оглядываясь, не останавливаясь, не обращая внимания на людей, которые с удивлением смотрели ей вслед. Она прошла через весь супермаркет, бросила корзину у кассы, даже не думая о продуктах, и выскочила на улицу.

Холодный октябрьский воздух ударил ей в лицо, и только тогда она позволила себе дышать. Полной грудью, глубоко, жадно, как человек, который едва не захлебнулся. Дождь усилился, и теперь это был уже не мелкий морос, а настоящий осенний ливень — косые струи хлестали по лицу, смешиваясь со слезами, которые текли по щекам, и она не пыталась их остановить — они были единственным выходом для той бури, которая бушевала внутри. Вода стекала по воротнику, заливалась в рукава, но она не чувствовала холода, она вообще ничего не чувствовала, кроме этой огромной, черной дыры внутри, которая затягивала в себя все эмоции, все мысли, все силы.

Как он посмел? Как он посмел явиться в её жизнь с этими жалкими извинениями, с этим наигранным раскаянием, с этими дешевыми манипуляциями? Он не изменился, он не мог измениться, потому что такие люди не меняются. Он просто нашел новый способ добраться до неё, новую маску, новую роль. Роль раскаявшегося грешника, роль несчастного страдальца, роль человека, который осознал свои ошибки и теперь хочет только одного — попросить прощения. Но она знала его слишком хорошо, чтобы купиться на эту игру. За этими жалобными словами, за этими дрожащими руками, за этими фальшивыми слезами скрывался всё тот же хищник, который однажды едва не уничтожил её.

Но самым страшным было другое. Где-то глубоко внутри, в той части её души, которую она считала давно мертвой, что-то шевельнулось. Что-то, похожее на сочувствие. Что-то, похожее на память о тех временах, когда она любила его и верила, что эта любовь может его спасти. Она помнила, как держала его за руку в больнице, когда у него случился приступ паники. Помнила, как он плакал у неё на плече после очередной ссоры, обещая, что всё изменится. Помнила, как он смотрел на неё в первые месяцы их отношений — так, словно она была единственным источником света в его темном мире. И эта память была опаснее любой угрозы, потому что именно она могла заставить её снова открыть дверь, снова впустить его, снова поверить.

Она дошла до дома на автопилоте, не помня дороги, не замечая людей, машин, светофоров. Город расплывался перед глазами, как акварельная картина, попавшая под дождь, и она двигалась сквозь этот размытый мир, словно призрак, не ощущая ни собственного веса, ни холода, ни времени. В квартире было тихо и пусто — Марк еще не вернулся. Алиса сбросила пальто прямо на пол, сняла обувь и прошла в ванную, где долго умывалась холодной водой, пытаясь смыть следы слез и вернуть себе способность мыслить здраво.

Она не должна была убегать. Она должна была остаться и спокойно, холодно объяснить ему, что между ними всё кончено, что она не хочет его видеть, что его извинения ничего не значат. Но вместо этого она сбежала, как испуганная девочка, и теперь он знает, что всё еще имеет над ней власть. Знает, что она боится. А его это только раззадорит. Страх был его топливом, его наркотиком, и она только что дала ему дозу, сама того не желая.

Когда Марк вернулся вечером, Алиса сидела на диване с книгой, которую не читала, и делала вид, что всё в порядке. Она улыбнулась ему, поцеловала в щеку, спросила, как прошла встреча. Он начал рассказывать о переговорах, о том, что инвестор оказался сложным, но перспективным, и Алиса кивала, вставляя дежурные реплики, в то время как мысли её были далеко. Она смотрела на его лицо, на его губы, которые шевелились, произнося слова, на его руки, которыми он размахивал, описывая что-то важное, и чувствовала себя предательницей. Он был здесь, рядом, живой, настоящий, любящий, а она была где-то далеко, в холодном супермаркете, в объятиях своего прошлого.

— Ты какая-то бледная, — заметил Марк, внимательно глядя на неё. — Всё в порядке?

— Да, всё хорошо, — солгала она. — Просто устала. Голова болит.

— Может, принести тебе таблетку? Или сделать чай?

— Спасибо, не нужно. Я, наверное, просто прилягу.

Она ушла в спальню, сославшись на усталость, и легла в кровать, уставившись в потолок. Марк не стал её тревожить, но она чувствовала его беспокойство сквозь закрытую дверь. Он всегда чувствовал, когда с ней что-то не так, и это делало её ложь еще более мучительной. Она слышала, как он ходит по квартире, как заваривает себе чай, как тихо переговаривается с кем-то по телефону, и каждый звук его присутствия был для неё одновременно утешением и укором.

Она не могла ему рассказать. Не сейчас. Не потому, что не доверяла, а потому, что боялась его реакции. Боялась, что он решит вмешаться, устроить разборки, и тогда всё станет только хуже. Боялась, что он посмотрит на неё другими глазами — глазами человека, который

понимает, что ввязался в чужие проблемы, в чужую драму, в чужой кошмар. Он не знал её прошлого полностью, он знал только общие контуры, только то, что она сочла нужным рассказать. И теперь она боялась, что правда, если она выйдет наружу, разрушит то хрупкое счастье, которое они построили вместе.

Алиса закрыла глаза и попыталась успокоиться, но перед мысленным взором снова и снова всплывало его лицо. Похудевшее, осунувшееся, с темными кругами под глазами. Его дрожащий голос, его слова о том, что он изменился, что он думает о ней. И где-то в глубине души, в том самом месте, которое она считала мертвым, снова шевельнулось что-то тёплое, что-то, похожее на жалость.

Она ненавидела себя за это. Ненавидела за то, что после всего пережитого она всё еще способна испытывать к нему что-то, кроме отвращения. Ненавидела за то, что его фальшивые слезы нашли отклик в её сердце, которое должно было давно окаменеть. Ненавидела за то, что даже сейчас, лежа в постели с человеком, который действительно её любит, она думала о другом — о том, кто когда-то был её тюрьмой, её болью, её самым страшным кошмаром.

За окном шумел дождь, стучал по подоконнику, стекал по стеклу, и этот звук, обычно успокаивающий, сейчас казался зловещим, словно кто-то невидимый скребся в окно, пытаясь проникнуть внутрь. Алиса прислушивалась к нему, и ей мерещились шаги на лестничной клетке, шорох у двери, чье-то дыхание за стеной. Она знала, что это просто нервы, что это просто страх, который играет с ней злые шутки, но ничего не могла с собой поделать.

Где-то в глубине души она понимала: эта встреча — только начало. Егор не уйдет просто так, не растворится в толпе, не исчезнет из её жизни снова. Он вернулся, и теперь всё будет зависеть от того, хватит ли у неё сил противостоять ему. От того, сможет ли она отличить правду от лжи, искренность от манипуляции, любовь от одержимости.

Но в эту ночь, слушая шум дождя и тихое дыхание Марка за дверью, она не находила в себе этой уверенности. Она была просто напуганной женщиной, которая когда-то сбежала от кошмара и теперь обнаружила, что кошмар вернулся, и на этот раз он пришел с цветами и извинениями, которые было так легко принять за правду.

Глава 3. Раскопки

Тишина, воцарившаяся после той случайной, но оттого не менее оглушительной встречи в супермаркете, оказалась обманчивой, как штиль перед девятибалльным штормом. Алиса знала это, чувствовала каждой клеточкой своего измученного, натянутого до предела тела, каждой обострившейся мыслью, что затишье перед бурей не будет долгим, но всё равно оказалась фатально не готова к тому, что последовало дальше. Прошло два бесконечно долгих, тягучих, как патока, дня, и за это время она успела почти убедить себя, что столкновение было чистой случайностью, что Егор действительно просто оказался в том же районе по делам, что он не станет преследовать её снова. Почти убедила. Почти поверила. Почти позволила себе расслабиться, почти разрешила себе дышать полной грудью.

А потом началось.

Это было похоже на то, как если бы кто-то невидимый и безжалостный начал медленно, с садистским наслаждением, расшатывать единственную опору, на которой держался её хрупкий, с таким трудом восстановленный мир.

Первое сообщение пришло поздно вечером в понедельник, когда за окном сгущалась сырая, промозглая мгла. Алиса сидела на кухне с чашкой давно остывшего, горького чая и тупо просматривала бесконечные рабочие документы, пытаясь отвлечься от грызущего чувства тревоги, поселившегося под сердцем. За окном моросил мелкий, нудный дождь, стучал по жестяному отливу, и этот монотонный звук действовал на нервы, сливаясь с тревожным гулом мыслей. Телефон завибрировал, и она машинально бросила взгляд на экран, ожидая увидеть очередное уведомление из рабочего чата или безликую рассылку из магазина. Но это был незнакомый номер, и текст сообщения заставил её сердце не просто замереть — оно рухнуло вниз, в какую-то ледяную бездну.

«Ты помнишь тот дождливый вечер в ноябре, когда мы сидели на кухне и слушали старый джаз? Ты сказала, что это самый уютный момент в твоей жизни. Я до сих пор храню тот плейлист».

Алиса смотрела на эти строки, и пальцы её дрожали так сильно, что она едва не выронила телефон на кафельный пол. Она знала, кто это. Знала еще до того, как дочитала до конца, до того, как смысл этих слов пропитал её сознание ядом. Знала, потому что никто другой на свете не стал бы писать ей о том вечере, о том плейлисте, о тех словах, которые она произнесла когда-то давно, в другой жизни, в другой реальности, которую она так старательно, по крупицам, пыталась стереть из памяти. Эти слова были украдены из сокровенного архива её души, и теперь он швырял их ей в лицо, как доказательство своей власти.

Она удалила сообщение, не отвечая, и заблокировала номер. Потом посидела еще немного, пытаясь успокоиться, убеждая себя, что это просто единичный случай, что он не посмеет продолжать. Но где-то глубоко внутри, в том самом месте, где живет первобытный страх, она знала, что это только начало. Это была лишь первая капля в том потоке, который вскоре должен был обрушиться на неё.

Следующее сообщение пришло утром, с другого номера, и содержало фотографию. Старый снимок, сделанный на дешевую камеру телефона, на котором они вдвоем сидели на набережной, обнявшись, и улыбались в объектив. Алиса помнила этот день — было ослепительно-жаркое лето, они поехали за город, гуляли до заката, и она тогда чувствовала себя по-настоящему счастливой. Одной из тех редких, обманчивых вспышек счастья, которые заставляли её верить, что всё еще можно исправить, что её любовь способна залечить любые раны. Теперь же это фото выглядело как улика, как вещественное доказательство её слепоты.

«Ты была такой красивой в тот день. Я часто пересматриваю это фото. Ты помнишь, как мы смеялись над тем уличным музыкантом, который фальшиво играл на скрипке?»

Алиса удалила и это сообщение, заблокировала и этот номер. На этот раз она не смогла сдержать слёз, и они текли по щекам, пока она стояла в ванной, вцепившись в холодный край раковины, пытаясь подавить рвущиеся наружу рыдания. Отражение в зеркале пугало её: бледное лицо, красные глаза, в которых плескался ужас. Она не хотела помнить тот день. Не хотела вспоминать, как они смеялись, как он обнимал её, как она верила, что у них есть будущее. Всё это было ложью, всё это было частью его жестокой, многоходовой игры, и теперь он снова пытался затащить её в эту игру, навязать ей роль, которую она отчаянно пыталась отыграть.

К вечеру вторника количество сообщений перевалило за десяток. Они приходили с разных номеров, с разных аккаунтов в мессенджерах, и каждое из них было безжалостным ударом по самому больному месту. Он присылал фотографии их совместных поездок, скриншоты старых переписок, цитаты из песен, которые они когда-то слушали вместе. Он писал о том, как скучает, как жалеет о том, что сделал, как мечтает хотя бы о коротком разговоре. Он напоминал ей о её собственных словах, которые она произносила в моменты близости, и от этого становилось особенно гадко, потому что эти слова были украдены из самого сокровенного, самого интимного. Он будто препарировал её прошлое, вытаскивал на свет самые нежные воспоминания и осквернял их.

Алиса сначала пыталась заблокировать каждый новый контакт, но это было всё равно что пытаться остановить воду, сочащуюся сквозь пальцы, или сражаться с гидрой, у которой на месте отрубленной головы вырастают две новые. Он создавал новые аккаунты быстрее, чем она успевала их заблокировать, и каждый новый номер, каждый новый профиль был очередным доказательством того, что он не остановится, что он будет продолжать, пока не добьется своего, пока не сломает её снова.

К среде Алиса перестала удалять сообщения. Она просто отключила уведомления и положила телефон экраном вниз, надеясь, что так он перестанет существовать. Но это не помогло — она всё равно чувствовала его фантомную вибрацию, всё равно бросала полные ужаса взгляды на темный экран, всё равно не могла думать ни о чем другом. Он был повсюду, он заполнил собой всё пространство, все мысли, все сны. Даже воздух в квартире, казалось, стал плотным и удушливым, пропитанным его незримым присутствием.

Воспоминания, которые она так старательно хоронила в течение четырнадцати месяцев, начали всплывать на поверхность, словно утопленники, и каждое из них было страшнее предыдущего. Она вспоминала не только счастливые моменты, которые он теперь так настойчиво воскрешал, но и всё остальное. Всё то, что она пыталась забыть, замуровать в самых глубоких подвалах памяти.

Она вспоминала его телефон, который он никогда не выпускал из рук, и то, как он вздрагивал, когда она случайно заглядывала ему через плечо. Вспоминала его вечные исчезновения — то он задерживался на работе, то встречался с друзьями, то просто не отвечал на звонки, а потом появлялся как ни в чем не бывало, с подарками и виноватой улыбкой, и она, дура, прощала его снова и снова. Вспоминала запах чужих духов, который иногда чувствовала от его одежды, и его нелепые объяснения, что это просто новый кондиционер для белья. Вспоминала, как её интуиция кричала об обмане, а он умело затыкал ей рот ласковыми словами и обвинениями в мнительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.